

#ЯнеМОЛЬ

Граница любого
терпения - безумие

Наталья
Скуднова

18+

Наталья Ивановна Скуднова

ЯнеМОЛЬ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63073131

SelfPub; 2020

Аннотация

Как и почему кончается терпение? Всегда ли граница терпения – безумие? Может ли человек сойти с ума за 30 минут? Или этому предшествуют 35 лет нелюбви, издевательств и лжи?

Наталья Скуднова

ЯнеМОЛЬ

Граница любого терпения – безумие

Санька походил на повзрослевшего Ивана-царевича из сказки: и третий сын в семье; и жену его звали Еленой, и друг Мишка, словно шустрый Серый Волк, всегда готов прийти на помощь.

Для написания икон лицо Саньки не подошло бы. Но если бы понадобилось нарисовать обобщённый портрет настоящего, простого мужика, то он легко прошёл бы кастинг. На его круглом, будто циркулем вычерченным, лице, всегда сияла улыбка. Зубы, словно отборный жемчуг – ровные и белые. Единственными глубокими морщинами можно назвать ямочки на щеках. Глаза светились особенным, васильковым цветом на фоне выбеленных ресниц и бровей. Санька как-то по-особенному смотрел на людей. В его взгляде было нечто неуловимо-отеческое: такой всегда всё поймёт, всё простит и никогда не откажет. Слова из трёх букв: «нет» в его лексиконе не существовало.

Санька жил с ощущением, будто б его сказка подошла к логичному финалу. Только в его случае вариант «долго и счастливо» равнялся «вместе и благополучно». К своим 35 годам, он имел почти всё: квартиру, стабильную зарплату, жену-красавицу, двух ребятишек. Его жалованье позволяло

выплачивать ипотеку, пару кредитов и вывозить раз в год всю семью на море.

Его золотые руки делали «на отлично» любую работу: он и в машинах разбирался, и плотничал, и готовил и даже шил! И всё на совесть, быстро и легко. Казалось: при желании, он мог бы и блоху подковать, если б была такая необходимость.

Поэтому его, как говорится, «с руками и ногами» взяли работать в управляющую компанию, обслуживающую элитные дома. Хотя в его трудовой написано «сантехник», Санька за одну зарплату был и плотником, и столяром и электриком.

Со своим приятелем Мишкой они дружили с детства. Везде и всегда вместе, как сиамские близнецы: школа, училище, армия, а теперь и работа.

Вот и сегодня они, как обычно, к 7 утра приехали на первой электричке в один из самых элитных жилых комплексов столицы. Переоделись в подсобке и пошли на первый вызов.

– Начнём с 12 квартиры? – спросил Мишка.

– Это банкир который? – Санька уточнил.

– Ага! У него проблемы с толчком. Работы на час. Потом в 103-ю. Там до вечера.

– Ты наш любимый аппарат взял? – Санька лукаво улыбнулся.

– Он всегда при мне! Заряженный. У наших богачей в принципе налички для нас нет. – тут Мишка вытащил из кармана терминал для оплаты банковскими картами и, смачно

плюнув на него, тут же протёр рукавом.

– Достало таскаться с этой кассой, да и вообще... – вдруг вздохнул Санька. – Может, всё же, перейдём работать в наш посёлок? Хоть дома на 3 часа больше в сутки бывать станем. Там ещё 10 объектов сдаются в этом году. Работы – навалом. И до дома каких-то 5 минут пешком. Зарплата ниже, но хоть за свои же халтуры больше будем получать. То на то и выйдет, а?..

– Столько же мы и будем получать! – Мишка ехидно усмехнулся.

– Так и смысл здесь горбатиться? Денег столько же, зато на дорогу 3 часа не надо тратить каждый день...

– Престижно... – протянул Мишка и сложил губы трубочкой, отчего уголки губ неестественно опустились вниз.

Санька ничего не ответил. Этот разговор он начинал не первый раз. Но его друг ни в какую не хотел покидать хлебного, как ему казалось, места.

На самом деле для Мишкиных отговорок имелись свои причины. Мишка – эталонный лодырь. Вся работу делал всегда Санька. Мишка мог лишь вести переговоры с VIP клиентами, создавать суету вместо работы, подавать вовремя инструменты и терминал для оплаты. Если здесь руководство закрывало на это глаза, не факт, что на новом месте Мишка-прилепала сможет нормально заработать.

Санька по-человечески жалел друга: алименты на близняшек, старший сын-подросток живёт с ними не ладит с по-

следней женой... Да и где ещё, как ни в элитном комплексе, Мишка мог почти на равных, как ему казалось, разговаривать с известными на всю страну, людьми? Хоть те и смотрели на Мишку, как на услужливого холоуя, тот часто хвалился в разговоре со знакомыми, кого и как «консультировал» и как те «слушали». Санька давно понял: для его друга работа сантехником в элитном комплексе – это ещё и возможность потешить своё самолюбие, потому он, на самом деле, так держится за эту «престижную работу». Он бросил взгляд на своего товарища и подумал: «Ну пропадёт же без меня!»

Вдруг, прямо в нескольких сантиметрах от них, затормозила «Tesla». Из неё, не стесняясь отборного мата, пулей вылетел накаченный мажор.

– Лови, лови его! – если пропустить брань, то его крик о помощи можно перевести на язык «б+», именно так.

– Кого ловить-то? – задорно крикнул вслед убегающему мажору, Мишка.

– Да кота этого, сраного! – где-то около подвала простонал мажор.

– Пойдём, посмотрим! Вдруг помощь нужна? – предложил Санька.

– Без нас разберутся! – Мишка было потянул Саньку за рукав, но вскоре ослабил хватку.

Непонятно как и откуда, но у подвала начал собираться народ. На крики и мат мажора солидная публика высунулась из окон и, предчувствуя необычное, застыла в ожидании.

– Мужики, ну чего стоите-то, как вкопанные?! Помогите парню! – чей-то окрик раздался с балкона.

– Бляха-муха, придётся идти! А то ещё директору наступят. – зло прошипел Мишка.

Видимо, определение «мужики» из всей собравшийся, почтеннейшей публики, больше всего подходило двум сантехникам. Саньке и Мишке ничего не оставалось, как подойти к подвалу.

Около двери в подвал, зажатый со всех сторон зеваками, шипел огромный кот. Он был ростом со среднюю собаку, но выпущенные когти – как у молодого тигра. Кот был скорее напуган, чем агрессивен. Однако кто знает: как себя поведёт загнанное в угол, живое существо?

– Чтой-то за зверь такой у вас? – поинтересовался Мишка.

– Сервал! – выдохнул мажор. – Купил своей девушке за семь тысяч евро. А кот реально дикий попался. Всю мебель исцарапал и везде, где только можно, нассал. Везу кастрировать. Видимо чувствует, скотина и упирается.

– Господа, будьте столь любезны, решите скорее с вашим котом. Я детей боюсь выводить: Бог знает, что от вашего сервала ожидать. Завели диких животных в жилом доме, а мы должны страдать, так? Один звонок в соответствующие органы и кота будут ловить специалисты. И ещё и неизвестно: куда вашего кота потом денут! – сердито проговорила солидная дама, вальяжно проходя сквозь толпу зевак.

– Давайте я попробую его поймать! – вызвался Санька.

– Мужики, – воодушевился мажор. – Помогите эту сволочь в переноску затащить. Не обижу!

Санька снял с себя фирменную куртку с логотипом управляющей компании и растянул её, словно плакат на одиночном пикете. Он как можно ласковее, стал шептать: «кис-кис-кис». Кот на это сгорбил спину и зашипел. Казалось, сервал стоит не на своих мягоньких лапках, а на острых когтях. Будто бы он их заранее выпустил, чтобы в любой момент вцепиться в обидчика.

Вдруг, Санька прыгнул первым и ловко накинул свою куртку на кота. Сервал взвизгнул и стал вырываться. Но Санька так умело обхватил хищника, что тот не смог когтями никого зацепить.

Мажор тут же принёс огромную переноску-клетку и Санька умело запихнул в неё сервала.

– Ладно, мужики. Спасибо! Вот вам пятёра – больше наличности нет. Сами там разберётесь, окей? – разместив в машине клетку-переноску с испуганным хищником внутри, мажор протянул купюру.

– Окей! – кивнул Санька и, сложив купюру пополам, положил её в нагрудный карман.

Всё это время жители элитного комплекса ходили на патрициев, которых должна была развлечь схватка гладиаторов с хищниками. Но местная аристократия, не дождавшись кровавой развязки, разочарованно стала расходиться.

– Давай быстрее! – ни с того ни с сего зло произнёс Миш-

ка. К банкиру на 5 минут опаздываем. Нам штраф сейчас впаяют.

– Успеем! – протянул Санька, рассматривая свою рабочую куртку.

– Ну что? Порвал? – с подковыркой спросил Мишка. – Знаешь же: директор штрафует за рваную спецодежду.

– Лену попрошу: зашьёт!

– Ага, как же! Швею нашёл! Она полдня в интернете, полдня с подружками. Шить же сам и будешь.

– Ну, сам так сам! Кот только подкладку разодрал. Если надеть как обычно – ничего и не заметно. Я похожу сегодня так, а ночью всё заштопаю.

– Ты... это... Пятёру-то гони! – не меняя ехидной интонации, произнёс Мишка.

– Не понял... – Санька замотал головой.

– Чего не понятно! Давай пятёру сюда!

– Да на, бери... – передавая купюру, тихо произнёс Санька.

– Чего ты вылупился? Нам деньги дали пополам за кота. Твоя жена у меня пятёру вчера заняла. Так что оставшийся ваш долг в две с половиной тысячи отдашь с зарплаты.

– На что она взяла в долг? – Санька аж в лице поменялся.

– Сам у неё спроси. Всё! Я звоню в 12 квартиру.

У Саньки непроизвольно сжались кулаки. Ком подкатил к горлу и, даже при большом желании, ничего произнести он и не смог бы.

Что ж его так задело? Может тот факт, что он один реально рисковал жизнью, ловя почти голыми руками хищную кошку, но половину вознаграждения просто так, ни за что, присвоил его друг?

Нет! С подобной несправедливостью Санька давно смирился. Но вот с долгами, в которые влезала всё чаще его супруга, он свыкнуться никак не мог.

За многие годы привычка давить в себе свои эмоции снова выручила Саньку. Он сделал глубокий вдох-выдох и, когда дверь шикарной квартиры №12 открылась, его щёки продавливали две ямочки.

– Видель, видель ваш подвигь. – вместо приветствия произнёс банкир с порога. У него имелась занятная особенность ласкать последние согласные мягкими знаками.

– Здравствуйте! – по-лакейски улыбаясь, расшаркался Мишка. – Сейчас мы наденем бахилы и пройдем в уборную?

– Ну разумеется! Не на чай же я вась пригласил! – ухмыльнулся банкир. – Кстати, Александрь! Как вы не побоялись этого зверюгу изловить? Это ж серваль. Дикая африканская кошка. Этот хищник – страшнее кавказской овчарки или питбуля. Ведь котикь вцепляется сразу в шею или в глаза. И где жь вы так ловко африканских котовь научились ловить?

– Как я могу отказать жильцам? – с неизменной улыбкой ответил Санька.

Пока говорил банкир, Санька успел и бахилы надеть и

осторожно снять экран на коробе, чтобы добраться до разводки труб. Для удобства он снял куртку и по-привычке вывернул её наизнанку. Банкир, видя драную подкладку и вываливавшиеся из карманов, отвёртки и ключи, поморщился и перевёл тему.

– Кстати, а вы видели, что во дворе соорудил наш директор?

– Вы про новую детскую площадку? – Мишка продолжал заискивать.

– Не поняли вы моего вопроса. Вот что вы там видите?

– Детскую площадку, горки?.. – боязливо повторил тот.

– А я вижу там «Майбах»! Он и с города денег умудрился выбить, и с каждого жильца за благоустройство. Вот вы думаете, в нашем доме члены правления банка самые состоятельные? Депутаты? Директора заводов? Ошибаетесь! Наш управдом скоро станет миллиардером. Он недавно ещё парочку элитных объёмов взял в управление.

– Миш, глянь сюда? – вдруг прервал всех Санька.

Мишка засунул голову в короб и что-то охнул в темноту. Через пару секунд он высунулся и, опустив уголки губ как можно ниже, выдавил:

– Да, вижу...

Он направил фонарик на трубу, и обратился к хозяину квартиры так, будто озвучивал смертельный диагноз:

– Можете посмотреть: сверху течёт! Трубу варить придётся.

– Много работы? – недовольно буркнул банкир. – За мной через чась водитель приедет. Домработница лишь к обеду придёт. Успеете за чась?

– Конечно! – «ямочно» улыбнулся Санька.

– Воду я перекрою? – предложил Миша.

– Я здесь воду-то перекрыл. В подвал я сам сбегаяю.

Санька, прихватив свою драную куртку, вышел из квартиры и направился к подвалу. Стоя у массивной железной двери, он уже было достал ключи, но внезапно в глазах у него почернело. Лоб покрылся испариной. Он прислонился головой к холодной двери и отключился.

Нет, он не упал в обморок. Он просто стоял несколько минут в забытьи, стараясь холодом железной двери чуть остудить собственные мысли.

«А что если опять?..» – больной вопрос вывел его из ступора. Санька взял телефон и набрал телефон супруги:

– Лен, привет!

– А, это ты... – ответил недовольный сонный голос. – Чё надо?

– Ты деньги у Миши брала вчера в долг?

– Ну?

– Что ну? Брала или нет?!

– Какого хрена ты на меня наезжаешь? Даже если и брала, то чё?

– Я же тебя просил: больше ни копейки не бери у него никогда! Я же тебя просил...

– Чё ты опять затараторил! Ну взяла чутка на пиво с подругами попить, и?

– Сколько ты взяла?

– Я чё, всё помнить должна?

– Хотя бы примерно...

– Перехватила жалкие две или три тыщёнки. Доволен?

– Точно не пять?

– Слышь, ты! Твой друг – ты и разбирайся! Я, как белка в колесе целый день и так кручусь: и детей в сад и школу, и наготовь, и прибери. Ни с подружками нормально пообщаться, ни выйти никуда! Ты целыми днями на работе. Я чё, порадовать себя не могу, а? Пива выпить и с подругами встретиться, чё, нельзя?

– Лен, ты пойми: уже не первый год такая хрень. Мне Миша говорит одну сумму – ты другую. Я ему за тебя в этом месяце уже десятку отдаю. А мне ещё кредит за твоего отца за машину выплачивать, и ипотеку закрывать! Денег на еду не хватит же до конца месяца... А ты пиво...

– Чё за наезды?! Иди и халтурь! Ты мужик и зарабатывать – твоя обязанность.

– Я же тебе сто раз объяснял: у нас правила в комплексе: все халтуры только по безналу. Ничего наличкой клиенты не дают. Директор забирает себе ровно половину, а другую половину от заработанного мы делим с Мишкой пополам.

– Так займи у Мишки? В чём проблема-то? У него всегда деньги есть, в отличие от тебя!

Санька ничего не успел ответить: в трубке раздались гудки.

Опять чёрная пелена, словно маска, закрыла его глаза от белого света. Он попытался на ощупь открыть дверь подвала, но связка ключей вывалилась из рук и упала на асфальт. Санька сел на корточки и беззвучно заплакал.

Последний раз он так плакал в школе, когда одноклассники дразнили его. За белёсые ресницы и волосы к Саньке на 8 школьных лет приклеилась обидная кличка: «моль». Правда, его слёз никто не видел. Ведь после оскорблений Санька впадал в ступор. Он замирал. Его одноклассники ожидали иной реакции, ну, как минимум, равносильной оскорблению. Однако наблюдая, как Санька завис, они отступали. И лишь когда он оставался один сам с собой, слёзы падали крупными градинами.

По мнению малолетних дебилов, цвет волос – это единственный недостаток, в котором Санька виноват. В остальном к нему, даже самые завистливые и тупые, не могли придраться: круглый отличник, всегда и всем приходил на помощь и каждый находил у него защиту. Если бы у его родителей была хоть капелюшка любви к собственному сыну, они не запрягли бы его работать по шабашкам сразу после школы, а дали бы поступить в институт.

А там, кто знает? С его золотыми руками, трудолюбием, светлой головой и гиперответственностью, он бы стал отличным инженером, спортсменом или фермером. Или как ми-

нимум добился, чтобы к нему обращались по имени и отчеству, а не «Санька» или «эй, мужик».

Но... Даже если бы старт был более удачен, не факт, что он жарил бы птицу счастья на гриле каждый день. У Саньки было разрушающее его самого, свойство: он всех и всегда прощал, всех понимал и никому не отказывал.

Нет, он не был терпилой. Тут иное. Будучи человеком цельным, умным, сильным, «со стержнем», он с пониманием относился к чужим слабостям и недостаткам. Так было с самого детства до настоящего времени. Казалось, на его душе выросла такая мозоль, что даже самый сильный удар не способен вывести его из равновесия.

Однако, почему ж сегодня, впервые за 20 лет, взрослый мужик распустил нюни? Ведь для людей его склада, внутри всё и всегда находило равновесие. Если кто-то поступал несправедливо, Санька тут же находил «гирьку», которая внутри всё балансировала. Это могла быть любая оправдашка, вроде: «всё ради детей», «человек имеет право на ошибку», «нужно прощать», «на то ты и сильней – чтобы терпеть». Бросил любую гирьку «терпи во имя чего-то там» на одну чашу весов... бздыньк: и найденное внутри себя оправдание даёт силы дальше улыбаться во все ямочки.

Но вдруг сегодня кидание «гирек» не помогло. А всё потому, что сломались его внутренние весы!

Его чаша терпения сегодня утром переполнилась и никакие гирьки не могли сдерживать хлынувший непонятно от-

куда, поток обиды. Может, похожее чувство испытывают люди, когда лопается терпение?

До сегодняшнего утра он полагал, что лечебная формула: «не заикливаясь, прощать» – отличное лекарство от чужой алчности, нереализованных амбиций и равнодушия. Если раньше он мог натянуть белозубую улыбку и дальше сносить эти мелочи жизни, сегодня в нём что-то надломилось. Невозможно остановить вырвавшуюся изнутри, десятками лет копившуюся, обиду. Зацепиться «любви к ближнему» в этом потоке было не за что.

Работа? А как вот сейчас поднять ключи и открыть дверь подвала, чтобы банкиру-миллионеру починить сортир, за ремонт которого лично он получит всего 1/4 от заработка? И ладно, если б это была четверть с солидного гонорара. Директор их управляющей компании поставил на их работу чисто символические тарифы (не забывая всегда получать 50% «откат» от всех халтур, мотивируя это налогами и необходимостью работать «в белую»), чтобы солидные жильцы не роптали, оплачивая каждый месяц квитанцию с 4-мя нулями. Хоть с отмены крепостного права давно минуло 150 лет, Санька до сих пор, будто холоп, отдавал львиную долю дохода своему барину и работал на износ почти «за спасибо». Потому он так и надеялся, что в один из светлых «Юрьевых дней» он сменит помещика-беспредельщика на более справедливый вариант. Но уйти одному – значит лучшего друга оставить без работы. Ведь этот лоботряс даром никому не

нужен.

Мишка? А что Мишка... Ещё со школы он, по факту, обкрадывал и подставлял лучшего друга зная, что Санька слова поперёк ни скажет и не проведёт расследования. Воровство стало чем-то вроде игры краплеными картами: мало того, что все козыри заранее у Мишки, так он ещё сам назначал ставку и по итогу срывал банк. Санька гнал от себя калькуляцию «платы за дружбу». Но в его характере – всё упорядочить. Потому мозг невольно выводил сумму в 10-15 тысяч рублей в месяц. Санька давно свыкся с Мишкиным шулерством. Однако эти непонятные долги жены... Санька несколько лет назад начал подозревать: когда Мишка подкидывает денег Лене, он будто нарочно подталкивает её к бутылке. Ведь только Ленкино пьяное забытье не даёт ей шанса вспомнить точную сумму долга. Цена прогрессирующего женского алкоголизма и счастливая семейная жизнь лучшего друга оценивалась Мишкой в среднюю ежемесячную пенсию. Если так дальше пойдёт, то спивавшаяся Лена до пенсии точно не доживёт.

Лена?.. 15 лет они вместе и за это время супруга, ни дня не работая, взвалила на него «почётное» бремя содержания их семьи и бонусом – тёщи и тестя. Да ладно, если б только имел место финансовый паразитизм... Лене вообще всё пофиг по жизни! Она принадлежала к числу тех счастливых барышень, которые живут по принципу: «Мне все должны, а я – королева!» Такие королевы всегда находят услужливо-

го раба, который исполняет все их прихоти. Места в сердце этих барышень для любви к другому человеку нет по определению. Как и все эталонные эгоистки, она считала, что её пороки – это невинные шалости. Потому «попить пивка» и не появляться дома пару дней в неделю стало в их семье нормой. Его мама и тёща хоть и брали на себя перманентную роль мамки да няньки, проблему лишь усугубляли. Лена зная, что её всегда подменяют, стала прикладываться к бутылке всё чаще. Санька б давно ушёл от неё, но наличие 2 детей выметали поганой метлой из головы все мысли о разводе.

Санька почувствовал, что сам запутался в этих трёх, изначально гнилых, деревьях. Сколько б он не он не прощал, не понимал, не терпел, не брал на себя чужой работы и грехов – этого никто и никогда не оценит. Вообще никто! Чем больше он старался – тем тяжелее становилось тащить всё на себе. Вдруг он чисто физически ощутил: как много он сам на себя взвалил и насколько это стало невыносимо.

Внезапно, его накрыла необъяснимая звериная ярость, прям как того кота-сервала, припёртого к стенке. Странно, что у нормального человека, обратная сторона смиренного, осознанного терпения – неуправляемая животная агрессия.

Тут раздался звонок мобильного:

– Ты чего застрял? – грубо заявил Мишка. – Банкир через 30 минут уезжает.

– Ты сам сварить трубу не можешь? Все инструменты на месте! – жёстко ответил Санька.

– Тык... Пык... 30 минут всего и банкир уезжает... – чувствовалось: Мишка оторопел.

– Пусть уезжает к чёртовой матери! – сквозь зубы проговорил он.

– Ё...

Санька не дослушал, какие согласные после «ё» последуют, и сам бросил телефон. Посыл хоть кого-то по-материнской линии окончательно вернул ему силы. Он нащупал ключи, поднял их, и, крепко встав на обе ноги, уверенно зашагал в офис управляющей компании. Вернуться в квартиру банкира и, с улыбочкой командовать Мишкой, чтобы хоть как-то сымитировать его работу в глазах клиента, Санька не мог, да и не хотел.

По дороге он снова набрал телефон жены.

– Лена, слушай меня внимательно! – отчётливо и чуть ли ни по слогам начал он.

– Ты чё? – испуганно ответил голос, с которым первый раз в жизни заговорили в таком тоне.

– Хватит «чёкать»! Тебе 35 лет, двое детей, а разговариваешь, как бичиха. Если ты, ещё хотя бы один раз, возьмёшь у Мишки деньги, сама свои долги будешь закрывать, поняла? И не только Мишке долг отдавать, но и за своего отца выплачивать кредит.

– Какого хрена ты взъероился? – голос на том конце стал приходить в себя и в нём проявились привычные для Саньки, хозяйские нотки.

– Два раза не повторяю! – он отрезал все попытки прижать себя к ногтю. – Дальше: если хотя бы один раз пойдёшь за пивком на несколько дней или приведёшь своих пьянчух в наш дом, подаю на развод и детей ты не увидишь.

Санька первым закончил и этот разговор. Вдруг он ощутил радость оттого, что пусть и так коряво, так непривычно жестоко, он впервые начал по крупицам восстанавливать справедливость и определять другим те границы, за которые они не должны заходить.

Это новое ощущение в буквальном смысле окрылило его. Так чувствует себя человек, впервые нащупавший внутри себя своё «я». Теперь ему на хрен не нужны ни гирьки-оправдашки, ни весы.

На их смену пришли «красные флажки» и он никому не даст заходить на свою территорию. Теперь любое «мы» / «ты» / «они» будет бить током, словно от электроограды, как только «кто-то» попробует перешагнуть через Санькино «я».

Да! С сегодняшнего момента он будет силой восстанавливать справедливость. Одолжил кто-то у кого-то денег? Теперь ни одна сволочь не получит от него чужой долг! Кто-то спивается? Тогда этот кто-то идёт лечится, или, собрав весь скарб, сваливает в туман! Кто-то делает вид, что работает? Тогда он, Санька, делает вид, что это скрывает!

Гордый собой, он распахнул дверь офиса управляющей компании и увидел там разъярённого Мишку.

– Ты не охренел ли часом, а? – с порога заорал Мишка. –

Банкир, сука, в бешенстве! Настучал директору, что у тебя драная спецодежда. Якобы ты своими вываливающимися отвёртками чуть антикварную мебель ему не поцарапал. Лично при мне позвонил и пожаловался, падла. Всё это потому, что мы с утра ничего не сделали и отняли у него драгоценный час времени. Директор через 10 минут приедет и будет тебя штрафовать за нетоварный вид и просранную заявку. А может вообще уволить нас обоих!

Санька ничего не смог ответить. Вся его недавняя эйфория пошла коту под хвост. Он будто бы неудачно прокатился на американских горках. За какие-то полчаса его то швыряло резко вниз, то взмывало выше облаков. Но нечаянно всё поломалась, и он с вершины, без страховки, рухнул на твёрдую землю.

Тут-то и сорвало со старых ран все пластыри, заклеенные на живульку, и обнажились во всей их неприглядности, давние проблемы. Попутно все его новоиспечённые теории о красных флажках и гирьках-оправдашках, начали смешиваться в сознании.

Вышла странная штука: Санька и по-старому не мог всё воспринимать, и новое ещё не прижилось. Вот и остался он наедине со всем ядовитым и гадким, в нём бурлившим. Его душу ещё сильнее стала грызть обида, обгладывая, словно гиена кости, остатки здравого смысла.

Если бы он, хотя бы пару часов, побыл один в своём новом состоянии... Ведь для закрепления переживаемого опы-

та нужно время. А нужных часов для спасительного одиночества ему никто не дал.

Мог бы он ещё потерпеть? Мог! Мог бы он взять себя в руки? Мог! Но только при условии нескольких часов полной тишины! Без этого он переставал быть хозяином своих эмоций, терпения и собственных рук.

Ему, как раненному зверьку, просто кровь из носа необходимо спрятаться в норке илизать раны. Но раз в норке чужак, а отступить дальше стены – физически невозможно, Санька в буквальном смысле забился в угол комнаты и начал вытаскивать из многочисленных карманов своей порванной куртки рабочие инструменты и раскладывать их на столе. Причём делал это ни где-нибудь, а на том самом столе, за которым VIP-жители обычно попивали кофе в ожидании приёма директора.

В звенящей пустоте прошла минута, другая. Мишка, как замороженный, следил за тем, как его товарищ аккуратно раскладывает небольшие ключи, отвёртки и прочие орудия труда по размеру и функционалу. Будто в каком-то забыты от увиденного, Мишка присел на белоснежное кожаное кресло и, спустя пару минут, выдавил:

– Сань, эй... Ты чего?.. Очнись! Сейчас директор сюда войдёт. Приём начнётся. А ты убитые инструменты на клиентский стол выложил. Полировку ж поцарапаешь... Нас же стопудово двоих уволят на хрен, придурок...

Санька снова ничего не ответил. Мишка вдруг завопил в

голосину:

– Слыш, моль!!! Мало того, что банкир жалобу накатал, мало того, что мы в 103-ю квартиру не успеваем, ты ещё при- блуды на столе выложил! Очнись!!! Моль!!!

Почему Мишка вспомнил обидную детскую кличку? На что рассчитывал? Может на то, что видел Саньку в похожем ступоре в последний раз в школе, когда сам так обзывал и, оскорбив снова сейчас, надеялся таким корявым способом вывести своего друга из оцепенения? Ясно одно: Мишка думал, что обращается ко взрослому человеку, а слышал его затюканный вусмерть, ребёнок.

Санька прикрыл глаза. Всё, что имелось в его душе чело- вечного, погибало в эти мгновения. По сути, уже мёртвый изнутри, он не мог осознавать разницу между живым и из-дохшим. Потому всё, до чего сможет дотянуться его крепкая рука – должно стать таким же, как и он.

Последнее, что Санька ясно увидел – это отцовская от-вёртка. Она была вся перебинтована синим скотчем времён СССР. Против всех законов физики, со смертельными рана-ми, нанесёнными в процессе эксплуатации, отвёртка отлич-но справлялась со своими функциями.

Эта отвёртка, прям как вся Санькина жизнь: перебинто-ванная и функционирующая назло всему. Весь вопрос толь-ко: а зачем?

Последнее воспоминание, промелькнувшее в его путаном сознании, было про такое же осеннее утро, которое ничем

не отличалось от почти каждого утра зимы, весны или лета его детства. Санька будто очутился в квартире родителей. Он ясно увидел своего отца, вернувшегося с ночной смены. Отец, по-привычке, раскладывал на столе свои рабочие инструменты. Вот прям как Санька сейчас: по размеру и функционалу. Затем отец начинал чистить их и, при необходимости, чинить.

Завершив полезное дело, отец брал ремень и хлестал Саньку до кровавых ошмётков, потому что ни у кого в их роду таких голубоглазых блондинов с ямочками на щеках не рождалось.

Саньке вдруг захотелось, чтобы те слова, которые ему казались важными и искренними в ту секунду, дошли хоть до кого-то.

Внезапно, весь негатив от **НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ**, оттого, что ему просто не дали время подумать и свыкнуться со своим только что обретённым «я», сфокусировались в крепком мужском кулаке.

Санька сжал в руке перебинтованную отвёртку и вонзил со всей дури Мишке в ухо.

– Я не моль! Я не моль! Я не моль! Я не моль! – заорал Санька.

Мишка даже вскрикнуть не успел. Он лишь обмяк в кресле. Если бы не алое пятно на белоснежной кожаной обивке кресла, то можно было подумать: работник просто вздремнул и кто-то ради шутки облил всё краской.

Санька же сел на корточках. Он обхватил голову руками и, покачиваясь, стал тихо-тихо тараторить, словно ребёнок скороговорку:

– Янемоль... Янемоль... Янемоль... Янемоль... Янемоль...

На часах – половина девятого утра. Усталое солнце провозило на землю все ещё жадные до жизни, осенние лучи. Лучи хоть и не грели, зато эффектно освещали новую детскую площадку, казавшуюся особенно сказочной в отблеске мягкого осеннего света.

Нянечки и яжмамки повели за ручки богатых отпрысков: кто в школу, кто в ясельки. Вдруг, рядом с площадкой раздался детский визг. Наибольший восторг детворы вызывала новая крутая горка, которая, словно по щучьему велению возникла за ночь из ниоткуда. Всё же дети есть дети! Они не выдержали, и, без спросу, наплевав на оханья яжмамок и нянек, забрались по крутой лесенке. Чтобы прокатиться с ветерком первыми, дети расталкивали друг дружку. Кто-то обижался, что не смог съехать раньше других. Но все их обиды забывались, как только они оказывались внизу. Радостные от только что испытанного чувства «полёта», они помогали друг другу подняться и снова бежали вверх по лесенке, чтобы быстрее скатиться с горки и испытать это удивительное ощущение ещё раз!

Тем временем свой новёхонький «Майбах» директор припарковал у офиса принадлежащей ему, управляющей импе-

рии. Директор был в кремовой сорочке и костюме от Brioni. На его руке, словно в солнечные зайчики, играли с друг другом бриллианты на часах. Посмотришь на него со стороны – словно министр прибыл на встречу с главой правительства. Такой холёненький и важнющий. И не скажешь, что его нанеманекюрная ручка сейчас подпишет какому-то холопу в драной спецовке «заявление по собственному».

Директор довольно ухмыльнулся, разглядывая, как детишки резвились на новой площадке, а сопровождающие их, яжмамки и няньки умильно улыбались. Кивком головы директор выразил всем учтливое «здрасьте». Жители элитного комплекса ответили тем же.

«Правильно сделал, когда именно эту горку заказал. Цена на сотню дороже, зато детские морды и рыла ихних родителей довольнее. Все снова схавали и опять всё сошло с рук!» – подумалось директору. Для него не существовало разницы: доить ли богатеньких клиентов или простых работяг. Главное: бизнес-модель, когда он использовал грамотных профессионалов за копейки, пускал пыль в глаза богатым клиентам и делился с кем надо наверху, работала эффективно!

Директор скрылся за дверью офиса. Но не прошло и десяти секунд, как на весь элитный двор-колодец раздался истошный вопль:

– Ааа-ооо!!! ААА-ООО!

Это кричал директор, который нёсся на весь двор с выпученными глазами. Так кричит человек, который на бегу схо-

дит с ума.

Он всю дорогу орал и тряс руками над головой. Охранники быстро сориентировались и, скрутив директора, вызвали скорую и полицию. Все те минуты, пока охранники с трудом сдерживали директора, тот вырывался и орал благим матом. Весь элитный комплекс снова повылезал из своих квартир, которые в данной ситуации больше походили на театральные ложи. На этот раз финал сполна окупил дороговизну мест в зрительном зале.

Действительно, все атрибуты театральщины имелись в наличии: вместо декораций – оцепленный офис и белые простыни на носилках. Массовка и главные герои, как и положено, выходили в нужное время.

Вначале фельдшеры и полицейские с абсолютно белыми лицами вышли из офиса управляющей компании. Белее их были: простыня, которой был накрыт Мишка и лицо Саньки, которого выводили в смирительной рубашке. «На бис» санитары вели под руки директора. Тот, как и полагалось старому премьеру, придерживал ладонью левую сторону и ритмично кивал головой. При этом лицо директора оставалось безучастно и снисходительно, что свойственно прожжённо-театральному мэтру, уже оторавшему свой монолог.

Элитный двор гудел ещё не один месяц, обсасывая кровавые подробности. Каждый хотел увидеть в этой истории своё. Одни – разборку маргиналов. Другие – слишком строгие KPI, установленные вороватым директором. Третьи ви-

нили ретроградный Меркурий.

Никто ж не спросит главных свидетелей. Да и спрашивать по сути, не у кого!

Директор управляющей компании оставил все дела и отправился доживать свой век за границу. Что уж он такого увидел в то утро – так и осталось загадкой. Но то, что это перевернуло всю его жизнь – факт.

Мишку можно спросить лишь во время спиритического сеанса.

А Санька в буквальном смысле почти потерял дар речи. Ведь «Янемоль» – это единственное членораздельное слово, которое он бубнил себе под нос тысячу раз в сутки. Спросишь его: «Какая сегодня погода?», «Не пересолен ли суп?», «Как тебя зовут» – в ответ одно слово: «Янемоль» и улыбочка во все ямочки.

«Янемоль» – Санька доживал свои деньки в психиатрической больнице. Это время, пожалуй, было самым справедливым в его жизни. Санитары и врачи искренне любили и жалели его. Возможно потому, что им не нужно использовать Саньку ни как банкомат для расплаты с их долгами, ни как рабочую скотину. Ведь взять с «Янемоли» уже нечего.

Когда Санька слышал своё новое имя: «Янемоль», он не обижался. Наоборот: лицо его озаряла блаженная улыбка. Он уже не обращал внимание на корень «моль» в его новом имени, хотя это и было то самое слово, которое когда-то стало корнем его безумия.

Но болезнь под названием «жизнь» взяла своё. Через полгода Санька умер во сне от разрыва сердца. Искренне о нём горевали лишь сотрудники психушки, с сожалением рассуждая о том, как гадко сложилась судьба этого сказочного персонажа, похожего на состарившегося Ивана-Царевича.

Кому «Янемоль» – Санька сделал хорошо, когда всё прощал и терпел? Ответ напрашивается сам собой: НИ-КО-МУ! Всем стало только хуже. Это лишь в сказке: честность, искренность и всепрощение гарантируют хэппи энд. В реальной жизни нужно выковыривать справедливость и уметь посылать тех, кто тебя нагло использует. Если вовремя не произнести простые три буквы, рано или поздно несказанное «нет» приведёт к трагедии.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора